

ГЛАВА 1

Учитель математики

Авторское примечание: Эта книга описывает события, произошедшие до апреля 2026 года. Факты, относящиеся к 2025–2026 годам, включены на основании открытых судебных документов, рассекреченных архивов и публикаций ведущих международных изданий. Статус ряда уголовных расследований и судебных процессов может измениться после выхода этой книги. Авторы исходили из принципа, что неполнота не освобождает от обязанности рассказать уже известное.

Зима 1976 года, Мидтаун, Манхэттен. В узкой галерее на Пятьдесят седьмой улице пахнет дорогим деревом и свежей краской. Двадцатитрехлетний преподаватель математики с густыми кудрявыми волосами и широкой улыбкой стоит у стены, сжимая бокал белого вина, к которому почти не прикоснулся. Вокруг него люди, которые зарабатывают за один рабочий день больше, чем он за год. Инвестиционные банкиры, управляющие хедж-фондами, рядом — их жены в мехах и бриллиантах. Он здесь случайно — отец одного из учеников уговорил прийти на вернисаж.

Через час он уйдет с визитной карточкой в нагрудном кармане пиджака. Эта карточка изменит его жизнь. И жизни сотен девочек-подростков.

Но в тот вечер никто, включая самого Джеффри Эпштейна, не мог всего этого предсказать. Этой зимой Джимми Картер готовился к инаугурации, а Нью-Йорк только начинал выбираться из финансовой ямы, едва не объявив муниципальное банкротство годом ранее. Некоторые районы Манхэттена,

включая Таймс-сквер и прилегающие кварталы, сохраняли репутацию неблагополучных. Но за стеклянными дверями галереи царила своя атмосфера: кондиционированный воздух и негромкие голоса людей, привыкших к тому, что их слушают.

Эпштейн простоял у стены около двадцати минут, прежде чем к нему подошел мужчина в двубортном костюме и спросил, что он думает о той картине справа. Новый знакомый оказался партнером инвестиционного банка. Разговор продлился около сорока минут. К концу вечера Эпштейн был знаком с шестерыми людьми, с которыми еще утром не мог бы договориться о встрече. Они беседовали о теории чисел, о фракталах, о том, как математические модели предсказывают поведение рынков, — о вещах, которые он понимал ровно настолько, чтобы поддерживать светский разговор, но не так глубоко, чтобы выдержать диспут с профессиональным математиком. Впрочем, математиков на вернисажах не водилось.

Это была его первая галерея. Через год таких галерей, обедов, благотворительных ужинов и частных показов станет по три раза в неделю.

Чтобы понять, как учитель из Бруклина оказался среди финансовой элиты Манхэттена, нужно вернуться на двадцать три года назад.

Джеффри Эдвард Эпштейн родился двадцатого января 1953 года в Бруклине, в семье, относящейся к низшему слою среднего класса. Его отец, Сеймур, работал в парковом департаменте Нью-Йорка садовником, а мать, Полин, вела домашнее хозяйство. Они жили в Сигейте — районе на западном конце Кони-Айленда, огороженном забором, который спасал от океанского ветра, но, разумеется, не от бедности. Стандартный набор соседей — учителя да водопроводчики. Через дорогу — синагога, по пятницам из открытых окон доносился запах жареной рыбы. Мальчик по имени Джеффри и его младший

брат, Марк, росли в доме с низкими потолками, что не мешало размаху амбиций. В то время в Сигейте имелся скудный выбор из государственных школ, зато действовала сильная еврейская община, которая уделяла время и школьному образованию.

В общем, классический американский иммигрантский квартал: первое поколение переселенцев и их дети, располагая ограниченными ресурсами, смотрели на образование как на средство найти работу и закрепиться.

Эпштейн делал успехи, особенно в математике, и рано обнаружил, что дружба с этой наукой дает ему власть над теми, кто ее не понимает. В школе он решал задачи быстрее учителей; одноклассники вспоминали, что он не столько учился, сколько демонстрировал, что ему не нужно учиться. В шестнадцать лет, в 1969-м, Эпштейн поступил в Купер-Юнион — бесплатный колледж для одаренных студентов на Манхэттене, конкурс в который был сравним с конкурсом в Лигу Плюща. Но он не окончил это учебное заведение — перевелся в Курантовский институт математических наук, подразделение Нью-Йоркского университета, один из сильнейших в стране образовательных центров с уклоном в прикладную математику. Но и здесь он не завершает образование. К двадцати годам у него не было ни одного диплома, только любовь к числам и самоуверенность, которую позднее один из его знакомых назовет «притягательной». Он бросал учебу не потому, что не справлялся, а вследствие убежденности в том, что образовательный процесс слишком медленно тянется. В конечном счете это была убежденность в том, что правила существуют для других, и она вела его по жизни и в дальнейшем.

Осенью 1973-го случилось нечто, на первый взгляд заурядное. Эпштейн устроился на работу преподавателем математики и физики в школу Далтон на Верхнем Ист-Сайде Манхэттена. Далтон — не рядовая школа. Это одна из самых престижных частных школ Нью-Йорка, где годовое обучение

стоило в те времена около пятнадцати тысяч долларов (в пересчете на сегодняшний день — более пятидесяти тысяч). Учениками Далтона были дети банкиров, издателей, телеведущих, дипломатов. Человек без диплома колледжа преподавал физику детям из элиты.

Как такое произошло? Существует один, но неисчерпывающий ответ. Должность директора Далтона тогда занимал Дональд Барр — человек с непростой биографией (о его роли в судьбе Эпштейна мы еще расскажем в дальнейшем). Математик по образованию, бывший офицер Управления стратегических служб, но самое главное — отец будущего генерального прокурора Уильяма Барра. Того самого, который будет руководить Министерством юстиции в момент смерти Эпштейна в федеральной тюрьме в 2019 году. Совпадение? Может быть. В деле Эпштейна таких совпадений наберется на отдельную главу.

Барр-старший, по воспоминаниям коллег, был известен своей либеральной кадровой политикой: он верил, что способность преподавать важнее диплома, и регулярно нанимал сотрудников, которые не соответствовали формальным требованиям. Далтон был пионером прогрессивного образования — такого, в котором фокус не на дипломах, а на интеллектуальных способностях преподавателя. Барр-старший стоял в авангарде этого движения. Эпштейн, демонстрировавший глубокие знания в математике, хотя и не имел диплома и квалификации, выглядел идеальным кандидатом на свою должность. О других причинах найма ничего не известно. Представители школы не предоставили других версий. Через два года после конфликта с попечительским советом Барр ушел с поста директора, и новое руководство уволило Эпштейна: качество преподавания оставляло желать лучшего, и некоторые родители жаловались на его поведение с учениками старших классов. Позднее следователи взяли показания,

что Эпштейн приглашал учениц в свою студию на Нижнем Манхэттене под предлогом дополнительных занятий.

Ни одна жалоба не была достаточно доказательной, чтобы лечь в основу обвинения. Но двадцать лет спустя, когда имя Эпштейна зазвучит совсем по-другому, бывшие сотрудники Далтона вспомнят эти жалобы и пожалеют, что не отнеслись к ним серьезнее.

Но Далтон дал Эпштейну нечто более ценное, чем зарплату. Доступ.

Школа Далтон располагалась в здании из красного кирпича на Восемьдесят девятой улице, в квартале от Центрального парка. По утрам перед входом выстраивались черные «линкольны» и «мерседесы»: водители высаживали детей у ступеней, пока родители уже ехали в офисы на Уолл-стрит, в редакции газет, в посольства. Родительские собрания в Далтоне напоминали коктейльные вечеринки — мужчины в кашемировых пальто, женщины с сумками Hermès, разговоры о недвижимости в Хэмптоне и о том, какой лыжный курорт в Аспене лучше остальных.

Эпштейн быстро понял, что родители — не менее важная аудитория, чем ученики. Он приходил на собрания раньше всех, задерживался дольше всех, предлагал дополнительные занятия по математике и охотно объяснял отцам, почему их дети «одарены, но не раскрыты». Он научился говорить с ними на их языке — не о финансах (он в них еще толком не разбирался), но о вещах, которые финансистов интересовали за пределами офиса: теория хаоса, фракталы Мандельброта, парадоксы бесконечности, связь между математикой и музыкой. В общем, беседовал на темы, которые позволяли банкиру почувствовать себя интеллектуалом, а учителю — равным банкиру. Эпштейн умел слушать, задавать правильные вопросы и (уже тогда это было его главным оружием) создавать у собеседника ощущение исключительности этого разговора.

Один из отцов учеников, Алан «Эйс» Гринберг, председатель правления *Bear Stearns*, пригласил Эпштейна на собеседование. По одной версии, это произошло прямо в галерее. По другой — через несколько месяцев, после череды обедов. Детали различаются, но результат один: осенью 1976 года Эпштейн вошел в здание *Bear Stearns* на Парк-авеню.

Bear Stearns в конце семидесятых — пятый по величине инвестиционный банк Уолл-стрит. Не *Goldman Sachs* с его аристократическим снобизмом, не *Morgan Stanley* и его партнеры с родословными, ведущими к Рузвельту и Вандербильтам. *Bear Stearns* был другим игроком: жестким, прагматичным, хищным. Штаб-квартира на Манхэттене — двадцатипятиэтажная стеклянная башня, где в коридорах стоял запах горячего кофе из бумажных стаканов, а на торговом этаже не смолкал гул голосов, перекрикивающих друг друга через ряды мониторов.

Bear Stearns принципиально отличалась от конкурентов своей корпоративной культурой. *Goldman* набирал выпускников Гарварда и Йеля, детей партнеров и внуков сенаторов. *Bear Stearns* — тех, кто умел зарабатывать деньги, независимо от того, где он выпустился и закончил ли образование вообще. Алан Гринберг, руководивший фирмой с 1978 года, вырос в Оклахоме, учился в третьеразрядном университете Миссури, прошел через покерные столы и торговые залы. Он любил повторять, что предпочитает людей с «PSD-дипломом» — *poor, smart, and with a deep desire to become rich*: бедных, умных и с глубоким желанием разбогатеть. Эпштейн подходил под это описание так точно, будто оно писалось с него.

На собеседование он принес резюме, в котором значились два диплома: Купер-Юнион (бакалавр) и Нью-Йоркский университет (магистратура по математике). Ни того ни другого у него не было, он бросил оба учебных заведения, не получив ни одной степени. Ложь прошла незамеченной.

Проверка рекомендаций в финансовой индустрии середины семидесятых была менее строгой, чем в последующие десятилетия. По оценкам отраслевых аналитиков, в конце семидесятых годов основные инвестиционные банки досконально изучали резюме менее чем в половине случаев, особенно на фактологию закрывали глаза, когда кандидата рекомендовал высокопоставленный руководитель. Так что, вероятно, никто не стал проверять рекомендацию Гринберга: если председатель правления хочет взять человека, зачем звонить в какие-то приемные комиссии?

Эпштейна приняли в отдел специальных счетов (*special bracket*), подразделение, занимавшееся состоятельными частными клиентами. Его задачей было объяснять богатым людям налоговые схемы при инвестициях в ценные бумаги. Можно ли было доверять такое работнику без финансового образования? В организационной структуре *Bear Stearns* (это задокументировано) отдел *Special Bracket* занимал промежуточное положение между отделом розничного обслуживания и отделом инвестиций: здесь работали с обеспеченными людьми, чье состояние было недостаточным для интереса со стороны основного инвестиционного отдела, но превышало *retail minimum* (минимальный порог для розничных клиентов). Это была узкая ниша, и для нее требовались люди, которые могли бы говорить на языке финансов, и вместе с тем авторитетно. А еще Эпштейн умел то, чего не умели многие аналитики с дипломами: продавать.

Джимми Тэннебаум, его коллега по *Bear Stearns*, вспоминал позднее: «*He was a hell of a salesman*» («Он был чертовски хорошим продавцом»). Эпштейн не анализировал рынок и не строил финансовые модели. Он садился в кожаное кресло напротив клиента, наклонялся чуть вперед, смотрел ему в глаза и объяснял сложные налоговые конструкции так, что клиент выходил после встречи с ощущением, что он сам дошел

до нужного решения. Это был редкий навык: Эпштейн не показывал свою компетентность, а имитировал ее настолько убедительно, что отличить одно от другого мог только профессионал, а профессионалы с Эпштейном не работали. Его клиенты были богатыми людьми, которые хотели стать еще богаче и которым нравилось, когда молодой человек с горящими глазами говорил им, что это возможно.

За пять лет Эпштейн поднялся до позиции *партнера с ограниченной ответственностью* (на ступень ниже *полноправного партнера*) — уровень, обеспечивавший доход порядка восьмисот тысяч долларов в год. Средний годовой доход американской семьи в 1980 году составлял двадцать одну тысячу долларов. Хирург с двадцатилетним стажем получал около двухсот тысяч. *CEO* средней компании — триста-четырееста тысяч. Эпштейн, человек без единого диплома, зарабатывал вдвое больше генерального директора и вчетверо больше хирурга. По данным *Bear Stearns* (впоследствии рассекреченным), его компенсация в 1980 году входила в верхние пять процентов среди всех сотрудников банка с точки зрения результативности, за пять лет он создал больше комиссий, чем большинство его коллег за десять. Он получил эти деньги благодаря способности убедить собеседника, что тот разговаривает с гением.

А потом его уволили. Стремительно, без церемоний, с формулировкой, которую фирма предпочла не предавать огласке.

Обстоятельства увольнения из *Bear Stearns* — одна из тех историй, которые кажутся незначительными на фоне того, что случилось позже, но на самом деле многое говорят о характере Эпштейна. Внутреннее расследование выявило злоупотребление расходным счетом: он тратил деньги фирмы на личные нужды. Кроме того, выдавал незаконные кредиты знакомым и допустил подругу к участию в *IPO*, что было прямым нарушением правил *SEC*, Комиссии по ценным бумагам и биржам США.

Эпштейна не арестовали. Не оштрафовали. Не лишили лицензии (которой, строго говоря, у него и не было). Не передали дело в SEC, хотя допуск постороннего к IPO — серьезное нарушение, за которое рядовой сотрудник получил бы запрет на работу в индустрии. Ему предложили тихо уйти, и он ушел.

Но вынес две вещи. Первая: записная книжка, в которой были записаны контакты людей с совокупным состоянием в миллиарды долларов, их домашние адреса, адреса загородных домов, имена секретарей, дни рождения жен. Вторая: понимание того, как устроены большие деньги. Не в виде схем и графиков, а в социальном плане: кто кому доверяет, кто кого боится, кто чего хочет и о чем не говорит вслух. Уолл-стрит, как выяснил Эпштейн за эти пять лет, управляется не формулами, а отношениями. А выстраивать отношения он умел за долго до того, как начал торговать на бирже.

Следующие шесть лет, с 1981 по 1987 год, самый темный период в биографии Эпштейна. Не потому, что он совершал что-то ужасное (хотя, возможно, совершал — мы не знаем), а потому, что о них почти нет документальных свидетельств. Журналисты, пытавшиеся позднее восстановить события этого времени, наткнулись на стену: ни налоговых деклараций в публичном доступе, ни регистраций в SEC, ни упоминаний в деловой прессе. За шесть лет бывший учитель и бывший ограниченный партнер каким-то образом превратился в человека, способного привлечь внимание мультимиллионера. Что он делал все эти годы? Исчерпывающего ответа нет. Но кое-что выяснить удастся.

Через несколько месяцев после увольнения из *Bear Stearns*, в 1981-м, Эпштейн зарегистрировал компанию *Intercontinental Assets Group*. Офис — однокомнатная квартира на Восточной Шестидесят шестой улице, между Парк-авеню и Лексингтон, в районе, где одна стоимость аренды вызывала уважение у посетителей. Но и этот офис не мог считаться престижным.